

«Елка у Ивановых»: два слова о пьесе

Как очень многие произведения XX века, пьеса Александра Введенского про Преступление и Наказание. При этом преступление может быть фиктивным или загадочным («Процесс» Франца Кафки), имманентным природе подсудимого («Приглашение на казнь» Владимира Набокова), результатом, а не причиной обвинения («Елизавета Бам» Даниила Хармса) во всех случаях наказание оказывается реальным. В «Елке у Ивановых» преступление как будто действительно происходит. Но внутренняя логика действия и параметры созданного автором мира так причудливы, что ощущение трагического абсурда возникает, может быть, еще в большей мере. «Реальное» событие становится лишь внутренним толчком к стремительному и немотивированному самораспаду драматургической реальности.

Александр Иванович Введенский (1904–1941) был участником знаменитой группы ОБЭРИУ. Важнейший элемент обэриутской поэтики «бессмыслица», то есть неожиданный, немотивированный разрыв в причинно-следственной связи, который может открывать новые, загадочные и бесконечные смысловые глубины. В «Елке у Ивановых» такие разрывы возникают внутри на первый взгляд рационально развивающегося действия. Каждая сцена, если не каждая реплика, опрокидывает житейскую логику: скажем, «дети» одновременно оказываются взрослыми людьми и даже стариками. Даже время в пьесе течет по особым законам: между полуночью и шести часами вечера происходит множество событий, которые в действительности никак не могли уместиться в такой промежуток. Происходит теоретически мыслимое но невысказанное образом, и в конечном итоге «бессмыслица» одерживает победу над житейски представимым сюжетом и поглощает его.

Пьеса написана, как считается, в 1938 году в Харькове, где тогда жил Введенский. В начале войны писатель был арестован и вскоре погиб. Часть его наследия погибла. К счастью, многие тексты сохранились у одного из друзей Введенского – друга философа Якова Друскина, а другие у Хармса (эти рукописи после смерти Хармса тоже попали к Друскину). «Елка у Ивановых» увидела свет в журнале «Грани» (1971, № 81), в составе целого комплекса материалов, посвященных обэриутам. В СССР она была впервые напечатана почти два десятилетия спустя.

Действие пьесы датировано 1890-ми годами. Введенский, как и его ближайший друг Хармс, высказывал демонстративное равнодушие к «народам и их судьбам», однако проявлял большую зоркость, когда стремился создать образ известной эпохи. «Конец XIX века», крушение его видимого благополучия, соскальзывание в непредсказуемый хаос – тоже одна из возможных (и, видимо, предусмотренных автором) трактовок пьесы.

Рождественская елка была одним из атрибутов благополучной «старорежимной» жизни. Ожесточенная борьба с елкой как обычаем началась в 1929 году. К «антиелочной» компании привлекались детские поэты, в том числе и сам Введенский. Однако в 1935 году политика властей в этом вопросе неожиданно изменилась, елки стали не только допускаться, но и централизованно устраиваться. Теперь праздник привязывался не к Рождеству, а к Новому Году, и персонажами ритуала стали Дед Мороз и Снегурочка (эти фигуры стали вводиться в празднование Рождества еще в начале XX века, но тогда не были общепринятыми). Возможно, «реабилитация» елки (как часть симулятивного возвращения к атрибутам разрушенного в своей основе, невозвратного мира XIX века) стала толчком к написанию пьесы.

С точки зрения нормальной продолжительности человеческой жизни, многие из тех, кто жил и действовал в 1890-е годы, могли бы в 1938 году здравствовать. Но Введенский смотрит «из вечности». Для него все персонажи пьесы уже «современники морей» (выражение из его поэмы «Четыре описания», 1934), слившиеся с вечным бытием, в сравнении с которым их чувства и события их жизни не имеют никакого значения. Может быть, Дуня Шустрова в самом деле прожила 82 года — какая разница? С другой стороны, смерть героев может означать гибель их эпохи, или прекращение существования условной театральной реальности. Конец пьесы равнозначен смерти всех ее персонажей.

*Валерий Шубинский,
писатель и историк литературы*

Действующие лица

Петя Перов – годовалый мальчик

Нина Серова – восьмилетняя девочка

Варя Петрова – семнадцатилетняя девочка

Володя Комаров – двадцатипятилетний мальчик

Соня Острова – тридцатидвухлетняя девочка

Миша Пестров – семидесятишестилетний мальчик

Дуня Шустрова – восьмидесятидвухлетняя девочка

Пузырева – мать

Пузырев – отец

Собака Вера

Гробовщик

Горничные, повара, солдаты, учителя латинского и греческого языка

Действие происходит в 90-х годах

Купаться
не надо

На первой картине нарисована ванна. Под согельник дети купаются. Стоит и комод. Справа от двери повар режут кур и режут поросят. Няньки, няньки, няньки моют детей. Все дети сидят в одной большой ванне, а Петя Перов годовалый мальзик купается в тазу, стоящем прямо против двери. На стене слева от двери висят тасы. На них 9 тасов везера.

Годовалый мальзик Петя Перов. Будет елка? Будет.

А вдруг не будет. Вдруг я умру.

Нянька (*мрагная как сунс*). Мойся, Петя Перов. Намбль себе уши и шею. Ведь ты еще не умеешь говорить.

Петя Перов. Я умею говорить мыслями. Я умею плакать. Я умею смеяться. Что ты хочешь?

Варя Петрова (*девогка 17 лет*). Володя потри мне спину. Знает Бог на ней вырос мох. Как ты думаешь?

Володя Комаров (*мальзик 25 лет*). Я ничего не думаю. Я обжег себе живот.

Миша Пестров (*мальзик 76 лет*). Теперь у тебя будет клякса. Которую, я знаю, не вывести ничем и никогда.

Соня Острова (*девогка 32 лет*). Вечно ты, Миша, говоришь неправильно. Посмотри лучше, какая у меня сделалась грудь.

Дуня Шустрова (*девогка 82 лет*). Опять хвастаешься. То ягодицами хвасталась, а теперь грудью. Побоялась бы Бога.

Соня Острова (*девогка 32 лет. Поникает от горя, как взрослый малороссийский теловек*). Я обижена на тебя. Дура, идиотка, блядь.

Нянька (*замахиваясь топором как секирой*). Сонька, если ты будешь ругаться, я скажу отцу-матери, я зарублю тебя топором.

Петя Перов (*мальчик 1 года*). И ты почувствуешь на краткий миг, как разорвется твоя кожа и как брызнет кровь.

А что ты почувствуешь дальше, нам неизвестно.

Нина Серова (*девочка 8 лет*). Сонечка, эта нянька сумасшедшая или преступница. Она все может. Зачем ее только к нам взяли.

Миша Пестров (*мальчик 76 лет*). Да бросьте дети ссориться. Так и до елки не доживешь. А родители свечек купили, конфет и спичек, чтобы зажигать свечи.

Соня Острова (*девочка 32 лет*). Мне свечи не нужны. У меня есть палец.

Варя Петрова (*девочка 17 лет*). Соня, не настаивай на этом. Не настаивай. Лучше мойся почище.

Володя Комаров (*мальчик 25 лет*). Девочки должны мыться чаще мальчиков, а то они становятся противными. Я так думаю.

